

16. Старчук В.М. Процесуально-правова природа режиму окремого проживання подружжя в Україні та Польщі: порівняльно-правові аспекти / В.М. Старчук, О.В. Старчук // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція». – 2013. – № 6-1. – Том 2. – С. 99–102.

17. Сімейне право України : [підруч.] / [С.Б. Булеца, В.В. Заборовський, В.Г. Фазикош та ін.] ; за ред. С.Б. Булеци, В.Г. Фазикоша. – К. : Знання, 2015. – 375 с.

18. Ясинок М. Режим окремого проживання подружжя – новий вид справ у окремому провадженні / М. Ясинок // Право України. – 2008. – № 5. – С. 114–117.

19. Ромовська З.В. Сімейний кодекс України : [науково-практичний коментар] / З.В. Ромовська. – 3-тє вид. – К. : Правова єдність, 2009. – 432 с.

20. Фурса Е. Новеллы совместно-го проживания / Е. Фурса, С. Фурса // Юридическая практика. – 2003. – № 41(303). – С. 11.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ГРУППОВЫХ УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор БОЯРОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Академии адвокатуры Украины

Summary

In the article an author examines some conceptual features of methodology of investigation of group criminally-punishable displays of extremist activity (in the conditions of absence in the current legislation of decision of concept “extremism”): reasons of appearance of the extremist forming, some features of their creation, transformation, financing; about partial support of ideology of extremism by a population. Some features of problems of realization of inquisitional (search) actions are examined also, that it is related to overcoming of counteraction to investigation, caused by the complete or partial paralyzing of activity of pre-trial investigation on the initial stage of investigation of the indicated category of crimes. Overcoming of counteraction by the wide use of measures of providing of safety is offered in regard to the participants of criminal trial, by realization of secret inquisitional (search) actions and other.

Key words: group extremism, methodology of investigation of extremist activity.

Аннотация

В статье автор рассматривает некоторые концептуальные основы методики расследования групповых уголовно-наказуемых проявлений экстремистской деятельности (в условиях отсутствия в действующем законодательстве Украины определения понятия «экстремизм»): причины появления экстремистских формирований, некоторые особенности их создания, трансформации, финансирования; частичную поддержку идеологии экстремизма населением. Определены некоторые отличия формирования и трансформации экстремистских группировок от аналогичных процессов в организованной преступной деятельности. Рассматриваются также некоторые особенности проведения следственных (розыскных) действий, что связано с преодолением противодействия расследованию, вызванного полной или частичной парализацией деятельности досудебного следствия на начальном этапе расследования указанной категории преступлений. Предлагается преодоление противодействия путем широкого применения мер обеспечения безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, проведения негласных следственных (розыскных) действий и др.

Ключевые слова: групповой экстремизм, методика расследования экстремистской деятельности.

Постановка проблемы. Процессы глобализации, в которые вовлечены в том числе и страны бывшего СССР, привели к негативным изменениям и тенденциям в межгрупповых социальных отношениях. В частности, глобальный экономический кризис угрожает мировому обществу распространением расизма, ксенофобии, эскалацией нетолерантности (в т. ч. антисемитизма, исламофобии, возбуждения ненависти) и вспышкой экстремистских настроений в обществе в целом [1].

В зависимости от целевой направленности и субъектной деятельности, экстремизм, по мнению криминологов, можно представить в трех традици-

онных формах: политической, национальной и религиозной [2, с. 9–10]. Экстремизм во всех своих формах создает реальную угрозу безопасности государства и граждан, вызывает существенные политические, экономические и моральные потери, негативно воздействует на психологию населения, что, в конечном итоге, приводит к радикальному разбалансированию существующей в государстве социальной системы [3, с. 121].

Как общественно-политическое явление экстремизм является результатом активности отдельных политических сил, которые ориентированы на распространение (преимущественно через насилие) своих взглядов о по-

литическом и социально-экономическом устройстве общества, о характере межгосударственных отношений и т. п. Экстремизм представляет серьезную угрозу не только моральным и духовным устоям общества, но и жизни граждан, основам государственности, целостности страны [4, с. 34–35].

Эти и некоторые другие факторы приводят к резкому увеличению в мире числа преступлений, которые являются проявлением экстремизма. Не стоит в стороне от этих негативных процессов и Украина, где существует большое количество различных социальных групп, которые отличаются между собой по национальности, расовой, региональной принадлежности, а также по религиозным, политическим и некоторым другим (в том числе идеологическим) признакам.

Успешная и эффективная борьба с указанным явлением зависит в том числе и от создания методики расследования современных групповых уголовно-наказуемых проявлений экстремизма как эффективной модели противодействия деятельности преступных формирований (группировок), в деятельности которых есть идеологическая составляющая (экстремистской направленности).

Актуальность темы. Вопросам борьбы с экстремизмом постоянно уделялось большое внимание в статьях, монографических изданиях, научно-практических комментариях и диссертациях украинских ученых, а также ученых других стран. Так, установлению причин возникновения экстремизма посвящены работы криминологов, в частности проблемы противодействия экстремизму исследовались такими учеными, как Д.И. Аминов, Ю.М. Антонян, С.С. Борисов, В.А. Бурковская, А.И. Долгова, В.П. Емельянов, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, А.В. Петрянин, Е.П. Сергун, В.П. Тихий и др. Отдельным вопросам расследования правонарушений, которые являются уголовно-наказуемыми проявлениями экстремизма, посвящены работы ученых-криминалистов: М.А. Алпеевой, У.Н. Ахмедова, А.М. Багмета, И.Н. Билоус, В.С. Капицы, О.Н. Коршуновой, М.А. Ларкина, И.В. Погодина, А.В. Сергеевой, Д.Г. Скорикова, П.В. Шалдырвана, О.В. Шлегель и др. При этом на монографическом уровне концептуаль-

ные основы формирования соответствующей криминалистической методики не исследовались.

Целью статьи является рассмотрение некоторых вопросов, связанных с расследованием групповых уголовно-правовых проявлений экстремизма, в частности некоторых особенностей создания и функционирования современных экстремистских формирований (как обстоятельств, которые подлежат доказыванию).

Изложение основного материала исследования. В действующем Уголовном кодексе (далее – УК) Украины не предусмотрены составы преступлений (уголовных правонарушений), в диспозициях которых было бы прямое упоминание экстремизма (в январе 2014 г. была предпринята попытка дополнения УК Украины ст. 1101 «Экстремистская деятельность», но уже в феврале того же года указанная статья была исключена из Кодекса). При этом в Кодексе предусмотрены уголовно-наказуемые деяния, которые совершаются на почве ненависти и нетерпимости, а также преступления террористической направленности. Поэтому к числу уголовно-наказуемых проявлений экстремизма можно отнести три группы преступлений: (1) уголовно-наказуемые деяния, которые посягают на основы и безопасность политического устройства страны (ст. ст. 109, 110, 111, 1102, 113 УК Украины); (2) преступления террористической направленности (ст. ст. 112, 258, 258¹, 258², 258³, 2584, 2585, 260, 261, 278, 442, 443, 444 УК Украины), (3) преступления (экстремистской направленности), которые совершаются на почве ненависти либо враждебности относительно лиц, которые принадлежат к какой-то этнической, расовой, религиозной, политической или иной социальной группы (п. 14 ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 121, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 129, ст. 161, ст. 300 УК Украины). Безусловно, этот перечень не является исчерпывающим, поскольку к нему можно отнести, например, массовые беспорядки (ст. 294 УК Украины), сопряженные с насильственным выселением мигрантов (представителей «некоренного населения»), членов других социальных групп, совершение других насильственных действий; совершение насильственных действий на почве проповедования религиозных ве-

роучений или исполнения религиозных обрядов (ст. 181 УК Украины) и др.

Крайне важным для расследования проявлений экстремизма, а также для формирования криминалистической методики остается вопрос о причинах возникновения экстремизма, экстремистских настроений, особенностей формирования, функционирования, финансирования экстремистских формирований, которые имеют признаки организованных и некоторые др. Не останавливаясь на разного рода теоретических положениях и взглядах по этому вопросу ученых-криминологов и социологов, можно остановиться на некоторых положениях теории так называемой «социальной депривации». Согласно данной теории, экстремизм порождается бедностью в условиях асимметричного распределения власти. Т.Р. Гарр в результате проведенного исследования предложил теорию «относительной депривации». В соответствии с данной теорией, люди начинают проявлять крайнее неудовлетворение и склонность к насилию в случае расхождений между ценностными ожиданиями группы и ее нереализованными ценностными возможностями. Модели относительной депривации, в частности, определяются в таких ситуациях: ценностные ожидания остаются неизменными, а возможности уменьшаются; ценностные ожидания увеличиваются, а возможности остаются неизменными; ценностные ожидания увеличиваются, а возможности уменьшаются [5, с. 51, 84].

Это достаточно важный момент не только для понимания сущности экстремистской деятельности, но и для выработки концептуальных основ методики расследования уголовно-наказуемых проявлений группового экстремизма, поскольку указанные модели относительной депривации применительно к ситуации, которая сложилась в Украине, характерны для большинства населения страны (наличие расхождения между ценностными ожиданиями людей и их нереализованными ценностными возможностями). В таких условиях фактором, который негативно влияет на расследование таких преступлений, является то, что значительная часть населения страны может поддерживать соответствующую идеологию экстремизма (направленную, по их мнению,

например, на улучшение жизни населения путем смены коррумпированной власти, реформирования правоохранительных органов и т. п.). Таким образом, может поддерживаться большинство преступных действий, которые совершаются участниками экстремистских формирований (со стороны граждан это может быть организационная, техническая, материальная и моральная поддержка). Такая мотивация действий экстремистских группировок понятна и поддерживается многими людьми, поскольку прямо или косвенно направлена на тех, кто ассоциируется с образом врага, с которым связывают все негативные явления в обществе, затрагивающие интересы простых граждан (например, достаточно распространенным является негативное отношение к региональным кланам, отдельным социальным группам, которые, по мнению граждан, ведут паразитический образ жизни; к правоохранительным органам, суду, местной и центральной власти и т. п.). Поэтому этот термин – «экстремизм» – является достаточно субъективным в использовании: одно действие могут рассматривать и как «борьбу за свободу», и как экстремизм, сепаратизм, терроризм.

В результате создается такая ситуация, когда, с одной стороны, есть выявленное преступление, совершенное с известной мотивацией, есть жертвы; а с другой – эти жертвы боятся сообщить о преступлении и лицах, их совершивших (у жертв из групп риска возникает чувство преследования, незащитности, страха), и есть достаточно большая часть населения страны, региона (в том числе и среди работников правоохранительных органов), которая негативно относится к деятельности, взглядам и образу жизни потерпевших и, таким образом, поддерживает если и не сами преступные экстремистские действия, то идеологию экстремистского формирования. Можно констатировать, что фактически в стране (или в некоторых регионах) может быть создана такая обстановка, которая препятствует нормальному процессу расследования, ее можно определить как полную или частичную парализацию деятельности правоохранительных органов и суда.

Таким образом, в ситуациях совершения уголовно-наказуемых экстремистских действий нельзя говорить о

традиционном посткриминальном противодействии расследованию, то есть как о совершении отдельных умышленных действий, направленных на сокрытие, изменение, уничтожение информации, которая имеет доказательственное значение. Речь идет уже о сложившейся обстановке, в условиях которой проводится расследование, и о возможности следствия влиять на такую обстановку с целью нейтрализации негативного воздействия на расследование (в форме парализации или дезорганизации). При этом следствие не может ожидать, когда обстановка изменится в лучшую сторону, как это может быть на первоначальном этапе расследования некоторых категорий уголовных дел: о масштабных техногенных катастрофах, о массовых беспорядках и т. п. Там невозможность проведения первоначальных следственных действий связана с невозможностью на первоначальном этапе расследования обеспечения безопасности проведения следственных (розыскных) действий либо (для техногенных катастроф) с необходимостью (на основании требований ведомственных нормативных актов) восстановления движения транспорта, нормального функционирования предприятий, которые являются приоритетными для жизнедеятельности государства и т. п.

Для преодоления такой парализации деятельности досудебного следствия и других правоохранительных органов, которая является следствием негативного отношения к правоохранительным органам со стороны большинства населения, например, региона, города, необходимо предусматривать некоторые специфические способы преодоления противодействия в методиках расследования. Преодоление таких «тупиковых» для расследования ситуаций возможно, например, в результате широкого использования возможностей: негласных следственных (розыскных) действий (глава 21 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины); допроса свидетелей и потерпевших в порядке, предусмотренном ст. 225 УПК Украины (допрос свидетелей и потерпевших на досудебном следствии в судебном заседании); применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и других, предусмотренных действующим УПК

Украины мер обеспечения уголовного производства (глава 10 УПК Украины) и некоторые другие.

Достаточно интересными для расследования представляются особенности создания современных экстремистских формирований (в плане предмета доказывания). Их создание идет совершенно другим, по сравнению с организованными преступными группами-группировками (далее – ОПГ), путем (традиционным, в виде трансформации группы, например, типа «компании» либо преступной группы с распределением ролей – в ОПГ). И этот вопрос остается до сих пор недостаточно изученным. Исследователи этого явления для понимания соответствующих процессов активно используют теории социальных сетей (М. Грановеттер, Р. Берт), а также теорию социального капитала (П. Бурдье, Р. Коулман и др.). При этом социальная сеть рассматривается как группа индивидуальных агентов, которые разделяют неформальные нормы или ценности, а социальный капитал – как способность их участников гарантировать себе блага за счет членства в сети или других социальных структурах. Важным моментом является то, что под благами не обязательно понимаются материальные блага: это могут быть эмоциональные привязанности, личные связи, духовные потребности и т. п. [6, с. 5; 7, с. 273]. М. Сейджман, в частности, считает, что глобальный салафитский джихад (как экстремистское движение) представляет собой фактически самоорганизующуюся сетевую систему с необычными характеристиками стойкости и гибкости, по сравнению с той структурой, которую создал Бен Ладен. Он приходит к выводу, что социальные связи в создании такой структуры играют более важную роль по сравнению с идеологией [8, с. 185, 191].

Именно это определяет отличие большинства лиц, которые входят в состав экстремистского формирования, от участников ОПГ, где дружеские и даже родственные отношения со временем подменяются отношениями, ведущую роль в которых играют корыстные интересы. И при этом экстремистские формирования могут иметь признаки организованного: когда, например, идеология экстремизма, которая воспринята ее участниками,

запрещает инакомыслие, принимается собственная система политических, идеологических, религиозных взглядов, а сами идеологи таких формирований требуют от участников слепого повиновения и выполнения всех приказов и инструкций.

Идейная близость участников экстремистских группировок формируется на основе восприятия ее участниками экстремистской идеологии (идеологической установки), в основу которой положены идеи нетерпимости к фундаментальным демократичным ценностям и принципам демократии, как формы общественно-политического устройства и политического режима, а также враждебности к конституционному строю демократического правового государства [9, с. 100]. Все это, в конечном итоге, создает сложности в получении правдивых показаний, в установлении мотивации действий активных участников совершения указанной категории преступлений.

Вышеперечисленные факторы дают основания для вывода о необходимости создания базовой криминалистической методики расследования преступлений, которые являются уголовно-наказуемыми проявлениями группового экстремизма, концептуальные основы которой связаны с разработкой тактики противодействия расследованию на первоначальном этапе расследования; исследованием такой специфической группы (особенности ее формирования и функционирования), какой является экстремистская организация (особенности ее создания, выбор идеологической составляющей, трансформации, финансирования, подбор новых членов и т. п.); выяснением мотивации действий участников экстремистских формирований, разработкой тактики их допроса; получением доказательственной информации из других источников и т. п., что повысит эффективность и результативность работы досудебного следствия при расследовании таких преступлений.

При этом особое внимание уделяется установлению источников финансирования как создания экстремистского формирования, так и финансирования его деятельности, подготовки и совершения отдельных преступных актов.

Групповая преступная деятельность может быть эффективной только

в условиях наличия такого обязательного элемента обеспечения деятельности групповых преступных формирований, каким является наличие необходимого финансирования такой деятельности. Выявление следствием фактов финансирования является обязательным, поскольку оно выступает обстоятельством, которое подлежит доказыванию в делах указанной категории. Кроме того, для успешной борьбы с такими негативными явлениями крайне важным фактором является перекрытие каналов финансирования такой деятельности. Все это в полной мере относится и к деятельности экстремистских формирований.

При расследовании таких преступлений следствие (как сторона обвинения) обязано доказывать существование экстремистского формирования, наличие в составе соответствующей организационной структуры, участие в деятельности формирования конкретных лиц и их роль в его деятельности; сущность идеологической составляющей (конкретной идеологии либо идеологической установки), которая объединяет лиц, входящих в состав формирования, и т. п. Кроме того, в соответствии с требованиями, предусмотренными п. 6 ч. 1 ст. 91 УПК Украины, подлежат доказыванию факты финансирования либо материального обеспечения совершения уголовного правонарушения.

В ОПГ финансирование преступной деятельности (в т. ч. коррупционных связей) преимущественно связано с совершением преступлений корыстной направленности, которые для конкретного формирования являются наиболее безопасными при совершении (например, высокий профессионализм в условиях отсутствия «формальных» потерпевших) и выгодными в материальном плане (т. е. «базовыми»). В экстремистских формированиях «базовыми» являются преступления, которые нельзя отнести к преступлениям, совершаемым из корыстных побуждений. Лишь иногда в формированиях экстремистского толка совершаются преступления, которые не относятся к числу «базовых» и которые можно рассматривать как эксцессы (как и в ОПГ), в том числе совершенные из корыстных побуждений. И, как правило, совершение таких преступлений не имеет целью организацию финансирования экстремистской дея-

тельности. Хотя надо отметить, что криминологи отмечают такую тенденцию в деятельности современных экстремистских формирований: экстремизм является эффективным инструментом передела экономических ресурсов, который основан на политической мотивации [3, с. 192].

Финансирование экстремистских формирований преимущественно связано с постоянной либо разовой помощью со стороны коммерческих, общественных, религиозных, государственных (иностраных государств) организаций, в том числе из средств, полученных преступным путем, а также взносов активных участников экстремистского формирования. Финансирование при этом может быть в виде добровольных пожертвований наличных средств, передаваемых физическими или юридическими лицами; путем пополнения карточных счетов конкретных лиц, в виде несанкционированного списания средств со счетов юридических лиц; материального обеспечения экстремистского формирования с использованием должностными лицами своего служебного положения, сбора средств в социальных сетях и т. п.

Для отдельных видов экстремистской деятельности существуют традиционные пути финансирования. Так, для мусульман (ваххабиты, салафиты и т. п.) необходимо исходить из того, что ислам уделяет особое внимание пожертвованиям как религиозной обязанности мусульман, а поэтому финансирование может быть в виде пожертвований.

Вопросы финансирования особенно важны в отдельные периоды деятельности экстремистских группировок: период формирования, обучения, проведения массовых выступлений, митингов, массовых беспорядков, террористических актов, изготовления литературы и т. п.

Для политического экстремизма, разновидностью которого является терроризм, характерным является использование средств, которые получены в результате преступной деятельности [10, с. 239]. Так, в 1999 году на Северном Кавказе (РФ) экстремистскими формированиями захвачено 1 500 заложников. Общая сумма выкупа, по мнению экспертов, составила 200 млн. долларов США [11, с. 197–254]. М. Сейджман в связи с этим приводит пример, когда

группировка «Абу Сайяф» «превратилась в преступную группировку, заинтересованную, прежде всего, в похищении людей с целью выкупа» [8, с. 51].

В период формирования экстремистской группировки финансирование является основным в деятельности ее лидеров. Например, содержание одной тысячи штатных членов «Аль-Каиды» составляло ежегодно 6 млн. долларов США, в результате не оставалось средств на проведение операций. Именно поэтому Усама бен Ладен требовал от членов «Аль-Каиды» работать в его фирмах для получения заработной платы, а на операции для новых групп выделялись деньги только на этапе их формирования: в дальнейшем они должны были самостоятельно зарабатывать деньги на свои операции [8, с. 50–51]. По мнению М. Сейджмана, трактаты «11 сентября» в США уникальны тем, что они полностью финансировались «Аль-Каидой», «освобождая непосредственных участников от необходимости зарабатывать деньги самостоятельно путем совершения мелких краж, что позволило им не привлекать к себе внимание власти» [8, с. 59–60].

Таким образом, при расследовании групповых уголовно-наказуемых проявлений экстремистской деятельности достаточно трудно найти следы финансирования, либо создания группировки, либо подготовки ее участников, либо подготовки и совершения конкретных преступлений. Хотя уже на первоначальном этапе расследования следователь выдвигает версию о групповом характере преступления, о наличии в действиях совершивших преступление соответствующей мотивации (экстремистской) и о том, что подготовка и совершение такого преступления требует серьезного финансирования.

Поэтому после установления причастности к совершению преступления конкретной группировки, в деятельности которой присутствует соответствующая идеологическая составляющая, необходимо при допросах, проведении иных следственных действий; анализе информации, полученной следствием (в том числе в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий), устанавливать этапы деятельности экстремистской группировки, особенности ее структуры, трансформации, количество членов и т. п., с учетом по-

лученной информации устанавливать источники финансирования, исходя из того, что такие формирования могут быть финансово самодостаточными лишь в отдельные периоды деятельности, когда она не связана с формированием группировки, проведением массовых выступлений (с совершением преступлений), которые требуют серьезного финансирования; имеют в своем составе небольшое количество постоянных членов.

Для успешного изобличения виновных в совершении таких преступлений большое значение имеют показания лиц, которые в силу различных причин вышли из состава группировки (в результате разочарования в деятельности лидера, несогласия с идеологией, которая объединяет группу, и т. п.). Для этого при расследовании особое внимание необходимо уделять установлению и изучению конфликтных ситуаций в деятельности группировки, выявлять «оппозиционеров», «ренегатов», других лиц, которые были изгнаны из группировки. Именно они могут дать исчерпывающие сведения о деятельности группировки, в том числе и об источниках финансирования. Важным источником является и информация о совершении членами группы преступлений, которые не относятся к числу «базовых» (кражи, вымогательство и т. п.). При изобличении в их совершении участников экстремистской группировки следствию также может получить информацию от таких лиц о деятельности преступного формирования.

Выводы. Успешное расследование уголовно-наказуемых проявлений групповой экстремистской деятельности возможно лишь при наличии криминалистической методики расследования экстремистской деятельности, эффективность которой зависит от понимания типичных особенностей формирования, функционирования, трансформации, финансирования экстремистского формирования; сущности идеологии, которая объединяет участников группировки (с учетом такого негативного для следствия фактора, как поддержка такой идеологии и действий группировки достаточно большими группами населения страны), наличия в деятельности группировки признаков организованной преступной деятельности; тактики преодоления противодействия

расследованию на первоначальном этапе расследования, которое (противодействие) является следствием полной или частичной парализации деятельности правоохранительных органов.

Список использованной литературы:

1. Выступление Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на конференции по проблемам расизма // Российская газета. – 2009. – 3 июля.
2. Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование : автореф. дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – 42 с.
3. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дисс. ... докт. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / А.В. Петрянин. – М. : МГЮА, 2014. – 501 с.
4. Истомин А.Ф. К вопросу об экстремизме / А.Ф. Истомин, Д.А. Лопаткин // Современное право. – 2005. – № 7. – С. 34–35.
5. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / Т.Р. Гарр. – СПб. : Питер, 2005. – 461 с.
6. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках / С.А. Сергеев // Конфликтология. – Казань : КФУ, 2011. – С. 1–17.
7. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2008. – 480 с.
8. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма / М. Сейджман. – М. : Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
9. Сергун Е.П. Соотношение понятий «вид экстремизма» и «форма экстремизма» / Е.П. Сергун // Правовая культура. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 99–105.
10. Боташева А.К. Терроризм как феномен в современной политической реальности / А.К. Боташева. – Ставрополь : Возрождение, 2009. – 270 с.
11. Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма / Е.А. Степанова. – М. : Весь Мир, 2005. – 312 с.